

УДК 316.61.008

DOI: 10.18384/2310-7227-2015-3-67-73

Семерник С.З.*Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
(Республика Беларусь)***ОТЧУЖДЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФОРМ КАК ФАКТОР РИСКА
В РАЗВИТИИ ЭКОНОМОЦЕНТРИЧНОГО ОБЩЕСТВА***

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи экономических и социокультурных аспектов развития современного общества, вопрос о решении данной проблемы в пространстве современной социогуманитарной мысли. Анализируются механизмы развития отчуждения социокультурных форм и рассматриваются социокультурные риски, которые возникают в условиях отчуждения социокультурных форм от своей аутентичной реальной сущности. Выявляются перспективные линии анализа названной проблемы, а также предлагаются пути выхода из создавшейся ситуации.

Ключевые слова: отчуждение, социокультурный риск, экономоцентричное общество, социальное развитие, глобальная экономика.

S. Semernik*Grodno State University named after Ya. Kupala ()***SOCIO-CULTURAL FORMS OF ALIENATION AS A RISK FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF ECONOCENTRIC SOCIETY**

Abstract. The article considers the problem of relationship between economic and socio-cultural aspects of the development of modern society, the issue of solving this problem in contemporary social thought. The author analyzes the mechanisms of the development of socio-cultural alienation forms and discusses socio-cultural risks that arise in terms of depriving social and cultural forms of their authentic real substance. Promising lines of the analysis of these problems are identified, and possible solutions are proposed.

Key words: alienation, socio-cultural risk, econocentric society, social development, global economy.

Актуализация проблемы социокультурного как такового связана с тем кризисом, который охватил современное общество. Экономическая подоплека данного кризиса не снимает главного противоречия современности: финансовый кризис не только не остался в плоскости виртуальной мировой экономики, но, охватив собой реальную экономику, стремительно переродился в системный кризис современной цивилизации в целом, породив серьезные проблемы

© Семерник С.З., 2015.

* Статья подготовлена при поддержке гранта ректора ГрГУ им. Я. Купалы № 01-41-12/2460-14 (г. Гродно, Беларусь).

в неэкономических сферах общественной жизни. Благодаря этому, во-первых, было выявлено, что в мире глобальных мировых связей практически не может быть сугубо локальных проблем, а во-вторых, что экономика, претендующая на тотальное отчуждение от мира неэкономических действий, смыслов и зависимостей, на самом деле проникнута ими в очень большой степени. В связи с этим решение вопроса о механизмах, принципах, способах взаимосвязи экономической и социокультурной составляющих социального развития является чрезвычайно важным.

Данный вопрос – о взаимозависимости социокультурных и экономических факторов общественного развития – вызывал спорадический интерес исследователей с самого момента зарождения экономической рефлексии как таковой. В «аристотелевский период» (В. Зомбарт) существования экономической мысли обращение к идеям нормативного характера, имеющим прямое отношение к учрежденным в обществе социокультурным институтам, при описании принципов ведения хозяйственно-экономической жизни считался единственно возможным: традиционное общество не знало логики «чистого экономического разума».

Об этом наглядно свидетельствует, к примеру, тот факт, что на Древнем Востоке экономические вопросы чаще всего рассматривались в трактатах об управлении государством. Здесь могут быть названы древнеиндийский трактат об управлении государством «Артхашастра» или «Наука политики», древнекитайский трактат «Шан Цзюнь Шу» или «Книга правителя обла-

сти Шан», кодекс законов Вавилонского царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н. э.), основное назначение которого – создание системы правовых норм для эффективного управления страной. Во всех этих произведениях содержатся указания на принципы построения экономических отношений, но не как самостоятельной области человеческой деятельности, а как неотъемлемой части социальных отношений вообще.

На другом конце континента, в Древней Греции, зачатки экономической мысли обнаруживаются в поэмах Гомера «Одиссея» и «Иллиада», в поэме Гесиода «Труды и дни», в работах Ксенофонта («Ойкономос» – «Домострой»), в трудах Аристотеля, Платона.

Во всех этих произведениях прослеживается та же тенденция – хозяйственные отношения не выделяются в самостоятельную область исследования, а рассматриваются как составная часть общественных отношений в целом, ведущими из которых признаются отношения власти (политика) и достоинства (этика). Об этом красноречиво свидетельствует факт включения вопросов хозяйственной жизни в произведения с соответствующими названиями («Политика» или «Государство» Платона, «Политика» и «Никомахова этика» Аристотеля), указывая на то, что хозяйственная область – не что иное, как синкретичная часть иных, внехозяйственных сфер общественной жизни. И даже произведение Ксенофонта «Ойкономос», дословно обозначающее «Домострой», несмотря на созвучие данного названия современному термину «экономика», посвящено скорее общему укладу жизни, нежели соб-

ственно экономическим отношениям как отношениям обмена, накопления и владения.

Новоевропейская парадигма предложила совершенно иной способ решения экономических, а вместе с ними – социальных и культурных проблем. В качестве опорной она выдвинула взаимосвязанную триаду социокультурных смыслов – линейность, рациональность, миф всеобщей роли рыночно-денежных отношений, в идейном пространстве которых общество осознало себя как прогрессирующее, выдвинуло идеал непрерывного экономического роста, ориентации на перманентное наслаждение и преуспеяние.

Предложенная буржуазной эпохой инициатива сделать денежные отношения центральным смыслообразующим фактором экономических взаимодействий потребовала специфических условий воспроизведения денег: необходимость создать обстоятельства, в которых деньгам могла быть сообщена определённая стоимость, принципиально не существующая в их «природе».

Как справедливо отмечает современный исследователь Д.Э. Гаспарян, деньги по своей сути виртуалистичны, это товар, «которого нет»: «Деньги не могут иметь ценового выражения именно потому, что они сами и запускают всю машинерию товарно-денежных отношений обмена. Деньги – это тот товар, которого нет, но именно благодаря ему появляются все остальные товары. Это тот самый орган чувствования, который не имеет измерения обратимости на себя. Деньги – это Бог апофатики: он не дан как стоимость, но всё дано в свете его де-

нежного измерения. И так, деньги – это то самое вне-существующее ничто, дающее ход всей игре» [2, с. 97].

Поскольку деньги, не обладая самостоятельной потребительной стоимостью, могут обрести цену только в процессе обмена, развитие денежных отношений требовало создания рынка как универсального фактора, способствующего материальному овеществлению символической стоимости денежных знаков. Только при условии стекания всего многообразия товаров и услуг на рынок они становятся доступны для денег. Вне рынка деньги бессильны, остаются «пустыми знаками». Именно поэтому власть, основанная на деньгах, стремится превратить в рынок всё многообразие культурных связей и отношений, чтобы иметь возможность потреблять их, обрести над ними неограниченный контроль.

Внерыночные (архаичные, непосредственно межличностные, традиционные) отношения не подчиняются всепоглощающей силе денег. Обменная логика и психология – вот условие тотализации власти денег в социуме. Именно поэтому в обществе модерна набирают силу теории, стремящиеся придать факту создания рынка объективность естественной закономерности (меркантилизм, классическая политэкономия, маржинализм и т.п.).

Согласно классикам политэкономической мысли, условием процветания и богатства народов должна выступать торговля (преимущественно внешняя), привлекающая денежные потоки в страну. Неукоснительное следование предложенному видению проблем социоэкономического развития привело к возникновению товар-

но-денежного фетишизма (К. Маркс) и многовариантности феномена отчуждения (отчуждение от произведённых продуктов, от самого себя и т.д.). Таким образом, благодаря тому, что в обществе модерна роль денег абсолютизировалась, феномен отчуждения стал «визитной карточкой» данного общества. Отсюда следует, что эволюция отчуждения социокультурных форм находится в тесной взаимосвязи с отчуждением денег.

По замечанию Н.Н. Зарубиной, деньги подвержены отчуждению не меньше, чем социокультурные формы. В данном процессе, к примеру, локальные (национальные) деньги отчуждаются в универсальные (наднациональная валюта) [4].

Как показывает практика, отчуждение социокультурных форм также имеет уровни и степени собственного развития. Факты отчуждения, осознанные обществом модерна, – лишь подошва той горы, на которую стремительно восходит современное общество, последовавшее за императивами денежного капитала и в связи с этим получившее название «экономическое общество».

Здесь можно проследить следующие закономерности. Современные исследователи фиксируют факт всё большего отчуждения логики экономических взаимодействий, транслируемой современным (постмодерновым) укладом общества, от реальных нужд и потребностей личности, общества и даже собственно реального сектора экономики. Нарастание роли денежных механизмов регуляции общественных и экономических отношений привело к разрастанию финансового сектора экономики, который сегодня

отчуждается не только от реального производства, но даже и от рынка (торгово-обменных отношений). Это хорошо видно, к примеру, из сравнения данных о суммах и количестве экономических операций, осуществляемых в последние десятилетия в торгово-рыночном и финансовом сегментах экономических отношений.

Как отмечают аналитики, в 80–90-е гг. наблюдалось быстрое развитие операций на мировых валютных рынках. Если в середине 80-х годов ежедневный оборот сделок с валютой в мире составлял примерно 330 млрд. долл., то в 1995 г. он увеличился до 1200 млрд. долл. [7].

Чистые финансовые спекулятивные и арбитражные операции сегодня намного превосходят валютные операции, связанные с коммерческими сделками; число их участников резко возросло и включает не только банки и ТНК, но и другие юридические и даже физические лица. По данным 2001 года, на обслуживание внешней торговли приходится всего 2 % валютных операций [1].

Данное обстоятельство, а также ряд других тенденций, направленных на разрастание глобального финансового капитала, самым радикальным образом сказались на специфике социокультурного развития.

Как отмечает Н.Н. Зарубина, «...становление и развитие индустриального рыночного общества было связано с самоопределением национальных государств. Для них локальная валюта служила важнейшим механизмом контроля над территориально связанным хозяйством, символом суверенитета, идентичности, общей ответственности и судьбы граждан» [4, с. 49].

У современной виртуальной финансовой системы нет никакой реальной территориальной локализации, она существует в пространстве «междубытия», не отражает никакой геоэкономической специфики и не только лишает самодостаточности сохраняющиеся локальные деньги, но вместе с тем претендует на разрушение любых локальных идентичностей: национальных, государственных, семейных и т.п., призывая к идентичностям глобальным, наднациональным, универсально-атомарным и даже надбиологичным.

Новое («двойное») отчуждение – конструкт постмодернистского габитуса (П. Бурдьё), который рассматривает экономику, культуру, социум как игру.

Игрой становится всё: ценности, которые разделяет человек (они причудливо комбинируются, превращаясь в свою противоположность), знания, которыми он обладает (чему способствует всё более развивающаяся отчуждённая от непосредственных нужд обучения и воспитания модель образования под названием «супермаркет», трансформирующая напряжение учебной деятельности уже не просто в игру, но в играйзацию) и т.п.

«Играизация – новое утверждающееся и распространяющееся явление в обществе, развивающемся в направлении постмодерна, которое связано с особым рискованым стилем жизни, предполагающим парадоксальное сочетание реального и виртуального, чувственного и интеллектуального, беспокойства и динамизма» [5, с. 185].

Данная ситуация выступает как рискованная для развития общества и личности. Как отмечают исследователи, «... рискованность процесса играиза-

ции проявляется в разрывах целостности и самодостаточности традиционных (линейных) типов игры и общественно полезной деятельности. В линейном социуме игра имеет достаточно жёсткий статус деятельности, лишённой прямой практической целесообразности» [5, с. 186]. Здесь она не имеет «никакой очевидной цели, кроме удовольствия» [3, с. 222].

Что же происходит в этих условиях с личностью? Она не формируется в зрелую личность. Индивид превращается в псевдоличность, «мерцающую» личность, готовую непрерывно менять свою идентичность, убеждения, способы взаимодействия с людьми, живущую без серьёзных привязанностей, со спорадическими взаимодействиями на месте устойчивых связей. Таким образом, центральным актором играйзованного социума выступает специфический антропологический тип – игрок и спекулянт. Именно он является «героем нашего времени». И современные образовательные модели ориентируются на воспроизведение такой отчуждённой личности. У этого обстоятельства есть свои причины и следствия.

С одной стороны, национальные образовательные модели стремятся заимствовать более играйзированные инокультурные семиозисы в силу неразвитости собственных социокультурных семиозисов, адекватных играйзационным формам существования и функционирования финансового капитала, с другой – возникающая в их пространстве идея мобильности, возведённая в ранг императива, делает принципиально невозможной формирование личности, адекватной такой форме организации общества, как национальное государство, поскольку

назначение идеи мобильности – готовит наднационального глобального актора, не знающего внутренних барьеров несовместимости ценностей (тотальная толерантность), несопоставления традиций (атрадиционализм) и т.п.

Тем самым «градус отчуждения» социокультурных форм повышается: если за символом (знаком) культурных, социальных образований и экономических функций ещё можно было найти реальное означаемое, то теперь всё перемещается в область мифа. Мифологизируется, в конечном счёте, сам человек: реальность его существования никак не маркируется.

Не случайно, поэтому, в пространстве современной социогуманитарной рефлексии для обозначения новых форм социокультурного взаимодействия разрабатываются такие понятия, как «номады», «новые кочевники», «бродяги», «туристы» (Ж. Аттали, З. Бауман, Н. Зарубина, А. Панарин и др.). Данные деперсонифицированные, утратившие традиционную идентичность субъекты выступают сегодня акторами, конституирующими специфику взаимодействий современного общества на основе принципов тотального отчуждения. Закрепление в обществе норм функционирования, определяемых названными социальными акторами, приведёт к тому, что тотальная отчуждённость вызовет утрату культурного содержания, связанного с определённой устоявшейся социокультурных форм (например, таких, как семья и государство), с одной стороны, и породит трансформные социальные образования, условием существования которых может стать

тотальная трансформация человека, превращение его в «своё иное» [6].

Преодоление данной рискованной для общества ситуации может быть связано, во-первых, со снижением доли виртуалистичных практик в сфере социоэкономических и социокультурных отношений (это, к примеру, ограничение роли финансового сектора в неэкономических сферах общественной жизни (образование, наука, здравоохранение и т.п.); во-вторых, культивированием идеи священного (роль героических, религиозных, культурных и т.п. символов, выведение их из зоны действия обменной логики и психологии, коммерциализированного сознания); в-третьих, усилением роли непосредственной межличностной коммуникации в процессе организации и функционирования социальных объектов, что означает отказ от преимущественного культивирования глобально-ориентированных форм взаимодействия и поддержание акторов локального уровня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буторина О. Международная финансовая система: конец единовластия // Россия в глобальной политике. 2003. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_2115 (дата обращения: 28.11.2003).
2. Гаспарян Д.Э. Социальность как негативность. М.: КДУ, 2007. 256 с.
3. Джери Д. Большой толковый социологический словарь Collins: Русско-английский, англо-русский. Основные термины и понятия по социологии. Т. 1: А–О / Д. Джери; Пер. с англ. Н.Н. Марчук. М.: Вече, 2001. 543 с.
4. Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен. М.: Анкил, 2011. 200 с.

5. Кравченко С.А. Игнорация общества и её риски // Кравченко С.А. Риски в нелинейном глобальном социуме. М.: Анкил, 2009. С. 184–195.
6. Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. М.: Алтейя, 2009. 264 с.
7. MacDonald. Floating exchange Rate: theories and evidence. [Plavajushhij valjutnyj kurs: teorii i dokazatel'stva]. London: Unwin Hyman, 1988. 336 p.